

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рабочие Экспедиции в 1818–1861 годы

I

Количество рабочих в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг не было постоянным: оно менялось в зависимости от работ, какие в данное время она должна была выполнять. При основании Экспедиции, когда предстояло изготовить в короткий, сравнительно, срок свыше 40 миллионов листов ассигнаций нового образца, число рабочих, по временному штату 21 августа 1818 г., было определено в 483 человека, с содержанием в 178.700 руб., причем в это число не вошли счетчики, присяжные, курьеры и сторожа, на которых было назначено 20.500 руб., но количество которых не было указано в законе. Эти последние лица по своему социальному положению и роду занятий, в сущности, очень близко стояли к рабочей среде. При открытии Экспедиции их, по-видимому, было более 75 человек. Таким образом, первоначально количество всех рабочих в Экспедиции простиралось до 500 с лишком человек, а общая сумма, тратившаяся на их содержание, составляла почти 200.000 руб.

Когда операция по изготовлению ассигнаций нового образца была закончена и производство Экспедиции приняло нормальные размеры, новым штатом её, утвержденным 10 сентября 1820 г., число рабочих было значительно сокращено, как это видно из следующей таблицы:

<i>Состояло по штату:</i>	в 1818 г.	в 1820 г.
писцов, счетчиков, присяжных, курьеров и сторожей.....	свыше 75 чел.	59 чел.
мастеров, подмастерьев и их помощников	свыше 55 чел.	38 чел.
нижних служителей по хозяйственно- полицейской части	свыше 67 чел.	32 чел.
рабочих в особой мастерской	—	18 чел.
чернорабочих в обоих отделениях	свыше 367 чел.	250 чел.
	<hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/> свыше 500 чел.	<hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/> 397 чел. ¹

Из этих 397 человек, определенных штатом 1820 г. по разным частям Экспедиции, в правлении Экспедиции состояло 10 писцов, 2 присяжных, 4 курьера, 3 сторожа, 32 нижних служителя для содержания

внутреннего караула, охраны пожарных инструментов и несения других хозяйственно-полицейских должностей и 18 рабочих особой мастерской, всего 69 человек; в бумагоделательном отделении находилось 2 писца, 6 присяжных, 4 сторожа, 14 мастеров и подмастерьев и 150 чернорабочих, всего 176 человек; наконец, в типографическом отделении было 2 писца, 11 счетчиков, 5 присяжных, 5 сторожей, 24 мастера и подмастерья и 100 чернорабочих, всего 147 человек².

Чернорабочие, количество которых штат 1820 г. определил по всем трем частям Экспедиции — т. е. по бумагоделательному и типографскому отделениям и хозяйственно-полицейской части — в 300 человек, выполняли самые разнообразные обязанности, которые уясняются из «Ведомости о нижних служителях», составленной в 1823 г.³ Из неё можно получить на этот счет такого рода данные:

ПО ШТАТУ ПОЛОЖЕНО:	Число людей	ПРИ КАКИХ ДОЛЖНОСТЯХ НАХОДЯТСЯ:	Число
<i>в правлении:</i>			
нижних служителей для содержания внутреннего караула, при пожарных инструментах и для употребления к разным должностям по хозяйственной и полицейской части	32	старший унтер-офицер	1
		для караула посменно.....	6
		сторож при училище	1
		сторож на гауптвахте	1
		при пожарных инструментах	1
		составляющих пожарную команду.....	8
		при пилке и возке дров	6
		при духовых печках	2
		ламповщиков и фонариков	5
		артельщиков	1
нижних служителей для составления особой мастерской	18	у присмотра за работами	2
		кузнецов	2
		слесарей	2
		медников	2
		литейщик	1
		столяров	3
		печников	2
		стекольщик и маляр	1
		шорников для шитья беговых ремней к машинам	2
		при казенных лошадях	1

<i>в отделении для делания бумаги:</i> нижних служителей для работ	150	черпальщиков	24 ⁴
		валяльщиков	48
		выметчиков	48
		у прессовки бумаги	6
		в белильной	13
		у мытья сукон	2
		при ролях	4
		при паровой машине	7
		у чистки пеньки и тряпья	12
		на заводе Берда в учении разным ма- стерствам	4
при возке дров и топке печей	6		
<i>в типографическом отделении:</i> нижних служителей для работ	100	при печатании гербовых бумаг	44 ⁵
		при мочке бумаги	7
		при сушке её	8
		в краскотерной	4
		в литографии	18
		при механической	2
		при литейной	1
		при граверной	1
		при прессах	1
		в кузнице	2
детей нижних служителей, находя- щихся при мастерских типографи- ческого отделения для обучения их разным мастерствам	7		

С таким количеством служителей и рабочих Экспедиция существовала только два года, т. е. до введения нового, утвержденного 24 ноября 1823 г. штата. Штат этот, как было указано выше⁶, определил число всех служащих Экспедиции в 330 человек, из которых в обоих отделениях было 32 мастера и подмастерья и 200 простых рабочих.

Вскоре после введения этого штата, производство Экспедиции стало неуклонно расти, а вместе с ним увеличивался и состав рабочей команды. Как мы уже отметили в другом месте⁷, особенно заметным образом количество рабочих в Экспедиции в период 1818–1861 годов возрастало два раза — в начале 40-х годов, благодаря изготовлению новых, заменивших ассигнации, кредитных билетов, и в конце 50-х, когда Крымская кампания

вызвала усиленный выпуск бумажных денег. В результате всех этих добавлений было установлено, по высочайшему повелению, изъясненному в предложении министра финансов от 11 января 1858 г., чтобы рабочий состав Экспедиции нормально был доведен до 473 человек, из которых 40 предназначалось для хозяйственно-полицейской части, а остальные для мастерских обоих отделений⁸. В этом числе 473 штатных мастеровых состояло 53 человека с Царскосельской фабрики и фабрики барона Раля и 420 человек из Военного ведомства⁹. Однако, вскоре к этому числу, вследствие новых усиленных выпусков кредитных билетов, пришлось добавить еще 170 человек¹⁰, так что ко времени преобразования Экспедиции в 1861 г. количество мастеровых её доходило почти до 650 человек, а количество мастеров, подмастерьев и разного рода служителей значительно превышало 100 человек, насчитывавшихся в 1852 г.

Лица, составлявшие рабочую команду Экспедиции, со времени учреждения её и до преобразования её в 1861 г., распались, по своему юридическому положению, на вольнонаемных и обязанных. Первых было, сравнительно, очень немного. К ним, прежде всего, принадлежали все мастера, бывшие на первых порах почти исключительно из иностранцев, а также часть подмастерьев. По мере же того, как Экспедиция мало-помалу сама стала готовить кадры необходимых ей квалифицированных рабочих, число вольнонаемных мастеров и подмастерьев начало падать, а число казенных расти. Так, в 1818–1927 гг. было в среднем 30 вольнонаемных и всего 14 казенных; в следующие два десятилетия цифры эти были уже обратными, а именно 23 и 21, 24 и 32; наконец, в пятилетие с 1848 г. по 1852 г. вольнонаемных мастеров и подмастерьев было лишь 20, а казенных уже 37.

К числу вольнонаемных рабочих с самого начала деятельности Экспедиции принадлежали, кроме мастеров, еще большею частью счетчики, нумеровщики, присяжные, курьеры и сторожа. Так как на эти места требовались люди грамотные, то брать их из рекрутов, которыми, как будет показано ниже, главным образом пополнялся состав мастеровых Экспедиции, представлялось затруднительным вследствие того, что рекруты в большинстве случаев не знали грамоты. Поэтому высочайше утвержденное 4 октября 1832 г. Положение Комитета министров рекомендовало правительственным учреждениям, в том числе и Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, на указанные должности «нанять отныне с воли, не требуя уже на таковые места нижних чинов из внутренней стражи»¹¹. Незначительность количества вольнонаемных мастеровых и рабочих в Экспедиции сравнительно с количеством обязанных была явлением, общим для всех бумагоделательных фабрик

той эпохи. Известно, напр., что в 1825 г. во всех 87 заведениях состояло 8.272 рабочих и из них только 2.019 вольнонаемных, или иначе 24 %¹².

Интересно отметить, что на остальных фабриках и заводах вольнонаемных и обязанных рабочих было обыкновенно поровну. Так, напр., в том же 1825 г. во всех фабрично-заводских предприятиях числилось 210.568 рабочих, из которых по вольному найму работало 114.515 человек, т. е. 54 %¹³.

Что касается обязанных мастеровых и рабочих Экспедиции, то в их состав входили, с одной стороны, крестьяне упраздненной в 1818 г. царскосельской ассигнационной мельницы и купленной в 1834 г. у барона Раля Екатеринингофской бумажной фабрики, с другой — рекруты, присылавшиеся из Военного ведомства, и отчасти питомцы Петербургского воспитательного дома; при этом доме существовала типография, где призреваемые мальчики приобретали предварительную подготовку¹⁴. Рабочую команду Экспедиции решено было также комплектовать в последующее время детьми лиц, служащих в ней. Именной указ, данный Сенату 20 июня 1819 г., предписывал, чтобы дети причисленных к Экспедиции с царскосельской мельницы мастеровых и инвалидов, а также и поступивших из Военного ведомства служителей, «исключены были из общего положения о солдатских детях в рассуждении отсылки их в военно-сиротские отделения, а остались бы при отцах в ведении Экспедиции для успешного приучения к работам»¹⁵. В состав рабочих Экспедиции они поступали с 12-летнего возраста¹⁶.

Однако названными детьми оказалось невозможным в достаточной мере пополнять комплект мастеровых, и присылка рекрут из Военного ведомства продолжала по-прежнему служить главным источником, доставлявшим Экспедиции рабочие руки. Присылка эта была ограничена лишь тем, что высочайшей резолюцией, последовавшей 16 июля 1836 г. на доклад министра финансов, велено было впредь рабочую команду Экспедиции пополнять «рекрутами, менее способными к полевой службе»¹⁷. Впервые так поступили еще в 1831 г., когда рабочих в Экспедицию назначил из Военного ведомства непосредственно сам Николай I, любивший лично производить, во время смотра рекрут, распределение их по разным воинским частям¹⁸.

II

Различные группы, составлявшие рабочую команду Экспедиции, занимали далеко не одинаковое в экономическом отношении положение. Лучше всего были обставлены мастера и подмастерья, число которых,

по штату 10 сентября 1820 г., как мы видели, доходило до 38 человек. На их содержание было ассигновано 53.800 руб., распределявшихся между ними по усмотрению правления Экспедиции, с утверждения министра финансов. В 20-х годах XIX столетия отдельные мастера и подмастерья получали следующие суммы¹⁹:

МАСТЕРА И ПОДМАСТЕРЬЯ	Число людей	Жалованье	
		одному	всем
<i>в бумагоделательном отделении:</i>			
бумажный мастер	1	4.000	4.000
старший подмастерье	1	2.000	2.000
помощников	3	500	1.500
клеящиков	3	300	900
красильный мастер	1	700	700
помощник его	1	500	500
белильный мастер	1	2.000	2.000
помощников его	2	1.000	2.000
мастер при паровой машине	1	500	500
ИТОГО	14		15.100
<i>в типографском отделении:</i>			
гравёрный мастер	1	4.000	4.000
помощник его	1	1.500	1.500
гравёр	1	2.000	2.000
резчик	1	1.200	1.200
плавильщиков букв	2	1.000	2.000
столярный мастер	1	1.200	1.200
механический мастер	1	4.500	4.500
помощник его	1	1.800	1.800
слесарей	5	800	4.000
токарь	1	1.000	1.000
мастер печатания	1	4.000	4.000
помощник его	1	1.500	1.500
для наблюдения за исправностью печатания листов	6	1.500	9.000
литографический резчик	1	1.000	1.000
ИТОГО	24		38.700

Штат 1823 г. несколько сократил количество этой группы рабочих Экспедиции, но размеры получаемого ими содержания изменению не подверглись²⁰. Позже, вместе с ростом численности мастеров и подмастерьев, дошедшей в 1852 г. до 61 чел., увеличивались и платившиеся им оклады жалованья. Так, напр., в 1834 г. новому фактору по особой типографии, австрийскому подданному Грубингеру, было назначено жалованья в 1.500 руб. в год, хотя его предшественнику платили за исполнение этой должности лишь 1.200 руб.²¹

Получая хорошее, а иногда и исключительно хорошее для своего времени содержание, вольнонаемные мастера и подмастерья большую частью служили в Экспедиции по контрактам, в которых обозначался срок службы, более или менее значительный, напр., 12 лет, и размеры вознаграждения, а также, обычно, пользование казенной квартирой и отоплением²².

За особо добросовестную службу мастера и подмастерья обычно получали денежные награды. Так, напр., печатальщику Ветчинкину за долговременное и весьма ревностное исправление его обязанностей было прибавлено в 1834 г. 100 руб. к его ежегодному жалованью в 1.400 руб.²³ Был даже случай, что трех мастеров Экспедиции — гравера Нейера, механика Дерикера и литографа Шнейдера — за полезную деятельность произвели в чин 10 класса. Произошло это в 1818 г. с высочайшего повеления²⁴.

Следующую группу рабочих Экспедиции, в смысле вознаграждения, составляли формовщики, писцы, счетчики, курьеры, нумеровщики, присяжные и сторожа. На них, по штату 10 сентября 1820 г., было положено 29.750 руб.²⁵ Из этой суммы старший формовщик получал 800 руб., младшие формовщики, а также нумеровщики и писцы по 500 руб., курьеры по 400 руб., счетчики по 300 руб., присяжные по 250 руб. и, наконец, сторожа по 150 руб.²⁶

Для тех из перечисленных лиц, которые занимали должности, дававшие им право на звание канцелярских служителей, 2 января 1832 г. было введено разделение на три разряда, различавшихся по жалованью, причем в Экспедиции число таких служителей, доходившее в это время до 16 чел., не было уменьшено, хотя во всех других столичных правительственных местах были сделаны на этот счет сокращения. Оклады для каждого разряда канцелярских служителей были назначены разные, и при этом они еще различались для Петрограда, для Москвы и «для губерний»; в столицах, кроме того, правительственные учреждения были разделены еще на «места первые» и «места вторые». Экспедиция попала в число «мест вторых», для которых высший оклад был определен в

600 руб., средний — в 350 руб. жалованья и 120 руб. обмундировочных и низший — в 250 руб. и тоже 120 руб. обмундировочных²⁷.

Разделение на разряды было введено по вышеупомянутому, высочайше утвержденному 4 октября 1832 г. Положению Комитета министров также и для вольнонаемных нижних служащих в разных правительственных местах, в том числе и в Экспедиции. Было решено, по мере выслуги их в одном и том же учреждении, трижды увеличивать на треть оклады их жалованья, так, чтобы через 15 лет они могли получать удвоенный оклад. В силу этого, в Экспедиции в 1840 г., напр., очень многие из общего числа служащих названной категории получили значительные прибавки. Так, трем нумеровщикам было назначено добавочных по 166 руб. 66 коп. каждому, восьми счетчикам — по 100 руб., семи присяжным — по 83 руб. 73 коп. и трем сторожам — по 50 руб.²⁸

Кроме того, вышеуказанное положение Комитета министров предоставляло вольнонаемным нижним служащим две важных привилегии, — которыми пользовались и чернорабочие Экспедиции из бывших крепостных царскосельской и екатерингофской фабрик²⁹, — освобождение, во время службы, от податей и воинской повинности. Зато Комитет министров в том же положении отклонил третью привилегию, о которой хлопотала Экспедиция, — присвоение вольнонаемным нижним служащим за выслугу классного звания. Это последнее было сделано Комитетом министров на основании следующих, очень характерных для крепостнической эпохи, соображений: во-первых, «со многими из служительских должностей соединены самые низкие, черные работы, которых, конечно, нельзя почитать линией к достижению классного звания, приносящего с собой личное дворянство»; во-вторых, «производить людей сего рода в классное звание значило лишить их в будущем всякого способа пропитания, ибо к занятиям, сему новому состоянию соответственным, они не способны; работы же и услуги, простолюдину свойственные, сделаются для них неприличными и даже непозволительными»³⁰.

Что касается вознаграждения чернорабочих Экспедиции, то годовое содержание каждого из них вплоть до 1861 г. в среднем доходило до 250 руб. Так, по штату 21 августа 1818 г. было ассигновано на содержание 488 рабочих, распределявшихся по хозяйственно-полицейской части и обоим отделениям, 107.000 руб., по штату 10 сентября 1820 г. на 300 рабочих — 75.000 руб., наконец, по штату 1823 г. на 200 рабочих I и II отделений Экспедиции — 50.000 руб., что для каждого человека в отдельности как раз и давало вышеуказанную сумму в 250 рублей. Эта же сумма имела в виду и при всех последующих чрезвычайных ассигновках, вызывавшихся увеличением состава рабочей команды Экспедиции.

Когда, напр., в 1852 г. число рабочих было увеличено на 60 чел., на их содержание было прибавлено 4.285 руб. 80 к. сер.³¹, т. е. по 71 с лишком рублю сер. на каждого, что соответствовало 250 руб. ассигнациями. Как ни незначительна, по-видимому, была эта цифра, но при тогдашней стоимости денег её, по-видимому, было достаточно, тем более что рабочие пользовались казенным помещением³².

Вообще можно сказать, что положение рабочего персонала Экспедиции, в общем сходное, было все же из лучших в свое время по сравнению с положением, в каком вообще находились тогда крепостные и посессионные рабочие на других казенных и частных фабриках и заводах. Подтверждением этого служит тот факт, что заработная плата в Экспедиции значительно превышала обычные ставки остальных писчебумажных фабрик. Известно, напр., что в конце 20-х годов XIX-го столетия на фабрике Серебряковых в Мещовском уезде Калужской губернии платили в месяц: черпальщику — 9 руб., валяльщику — 8 руб., съемщику — 7 руб. 50 коп., рольщику и формовщику — по 6 руб., вешальщику бумаги — 4 руб. и женщинам — 3 руб. 50 коп. Приблизительно такая же заработная плата существовала и на писчебумажной фабрике княгини Козловской той же губернии и уезда, что и предыдущая³². Что же касается ставок для рабочих, занятых в типографском деле, то некоторое представление о них можно составить на основании данных, относящихся к сенатской типографии и приведенных нами выше³³. Данные эти также подтверждают срок лучшего обеспечения рабочих Экспедиции.

Как известно, обычный средний заработок посессионного фабричного рабочего в начале XIX столетия определялся примерно в 4 руб. в месяц и вольнонаемного в 5–6 руб., с присоединением к этому разных натуральных пособий, которые давались владельцем в виде дарового помещения, дров и пр.³⁴ Эти натуральные пособия по своей ценности, однако, далеко не достигали размера получавшейся рабочим денежной платы. Чтобы оценить значение приведенных цифр, необходимо превратить денежную плату в реальную. Основываясь на хлебных ценах, существовавших в пятилетие от 1799 по 1803 гг. и доходивших до 66 коп. в среднем за пуд ржаной муки, проф. Туган-Барановский приходит к выводу, что заработная плата фабричного рабочего в те времена была крайне ничтожная³⁵.

Немудрено, что в рабочей среде Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, значительно в материальном отношении лучше обставленной, совершенно не наблюдалось той острой борьбы труда и капитала, которая обычно происходила на русских фабриках и заводах в эпоху «первоначального капиталистического накопления», когда прибыль вы-

жималась, главным образом, путем усиленной эксплуатации рабочей силы. Рабочие Экспедиции не прибегали даже к такому чисто пассивному средству самообороны, как самовольный уход. Так, в 1834 г. был заведетельствован, по случайному поводу, тот факт, что никто из обязанных рабочих Экспедиции, с основания ее и по этот год, не бежал³⁶, между тем как побеги в других казенных фабрично-заводских предприятиях были явлением довольно частым. Конечно, за провинности и проступки рабочие подвергались таким же суровым наказаниям, вплоть до сечения розгами, какие тогда были в употреблении относительно лиц «непривилегированных», но обращаться к этой мере приходилось сравнительно очень редко. В крайних случаях, когда средства воздействия, применявшиеся начальством Экспедиции, оказывались недостигающими цели, рабочие, обнаруживавшие нежелание «исправиться», если только они были из рекрут, отсылались «за дурное поведение» и «в пример другим» в Военное ведомство. Но таких отсылок было сравнительно мало³⁷.

Возможно, что благодаря довольно сноскому экономическому положению рабочих редки были в их среде и настоящие преступления, вроде покражи отпечатанных листов ассигнаций или гербовой бумаги, а также принадлежностей для типографских и литографских работ. Так, напр., на исходе 1840 г. в Министерство финансов поступило анонимное сообщение, где говорилось, что один из мастеровых Экспедиции похитил оттиск депозитного билета в 25 руб. и передал его своему родственнику, который сделал форму, впрочем, неудачную, по неясности букв на обороте. Произведенное расследование, однако, не подтвердило этих данных. Было установлено лишь, что мастерской Исаев, «увлеченный новостью» кредитных билетов, которые он хотел показать своему родственнику, действительно похитил, но не самый билет, что было невозможно вследствие строгого пересчета этих билетов, а лист толстой подкладочной бумаги. «Бумага эта», как указывал в своем донесении министру финансов по этому поводу Хованский, «выдерживая ежедневно несколько сот контр-оттисков, хотя и получает сии оттиски, но в таком неясном виде, что разобрать на ней ничего нельзя». Что же касается будто бы сделанной родственником Исаева формы, то следствие этого не обнаружило; по мнению же специалистов, ее и сделать было нельзя, так как «с бумажного отпечатка» (в данном случае листа подкладочной бумаги) невозможно получить стереотипа. Когда расследование закончилось, Исаев был подвергнут «домашнему наказанию и удален от занятий в типографии обратно к возке дров»³⁸. В другой раз, именно в 1849 г., оказалось, что один из подмастерьев Экспедиции принял участие в печатании какой-то сектантской молитвы, исполнив это

печатание на имевшемся у него на дому прессе. Расследование обнаружило, что, с разрешения управляющего типографским отделением Рейхеля, двое мастеровых имели у себя два прессы, а третий, мастер, — почти полное литографское заведение. Впредь служащим в Экспедиции было запрещено держать на дому что-либо подобное, ввиду того, что они «могут употребить во зло приобретенную ими опытность и причинить несомненно больший вред, нежели сторонние лица, покушающиеся на преступление»³⁹. Через два года, в 1851 г., было запрещено мастерам, по тем же соображениям, вообще выполнять частные заказы⁴⁰.

Наконец, совершенной редкостью являлись в Экспедиции какие-либо массовые беспорядки среди рабочих. Правда, согласно характеру эпохи, не было и в обычае о подобных происшествиях распространяться, но все же убедительно уже одно то, что даже в секретной переписке Экспедиции за всю первую половину XIX века встречаются только два упоминания о волнениях среди рабочих, упоминания самые краткие⁴¹.

Без сомнения, редкость проступков и особенно преступлений зависела не только от тех мер предосторожности и надзора, какие практиковались в Экспедиции, но, — повторяем, — в некоторой степени и от того, что служащие в ней вообще дорожили своими местами.

III

Заботливость начальства Экспедиции о рабочих, действительно, была по тем временам не совсем обычной. Конечно, она не столько зависела от гуманных чувств начальствующих лиц, сколько просто объяснялась желанием прочнее привязать к Экспедиции людей, более или менее познакомившихся с характером ее производства. В этом отношении очень характерно, что при самом основании Экспедиции отказались от обыскивания мастеровых, занятых в секретной мастерской, где печатались ассигнационные листы и гербовая бумага, а для предосторожности против похищений рабочим было сшито особое платье, которое они надевали прежде чем войти в мастерские и снимали при выходе; для 300 рабочих на это было употреблено 6.000 руб.⁴² Вскоре же, однако, решено было вернуться к прежней системе обысков.

В своих заботах, поэтому, главное внимание начальство Экспедиции уделяло улучшению служебного и экономического, т. е. исключительно материального, положения рабочих. 22 января 1836 г. правление постановило уравнивать нумеровщиков в звании с канцелярскими служащими, исходя из того, что на их места «определяются люди свободного состояния, заслуживающие особого доверия начальства и непременно

но грамотные»⁴³. Управляющие отдельными частями Экспедиции, как только замечали, что тот или иной мастеровой приобрел необходимые познания и навыки, сейчас же переводили его, с одобрения правления, из низшего разряда в высшей. Так, напр., в 1836 г. мастеровой Сукин был сделан литографическим печатальщиком с жалованьем в 500 руб., а мастеровой Тимофеев — наборщиком с жалованьем в 400 руб.⁴⁴

Иногда управляющие отделениями, особенно Я. Я. Рейхель, возбуждали ходатайство о перечислении некоторых рабочих за выказанные ими усердие и искусство из звания обязанных в звание вольнонаемных. Так, напр., в 1829 г. Рейхель просил правление Экспедиции о перечислении Максима Плетаева из обязанных в вольнонаемные мастеровые, с предоставлением ему места литографского резчика и прибавки в 100 руб., так как он «при беспорочном поведении и отличном усердии исполняет все возлагаемые на него довольно искусственные работы с совершенной аккуратностью»⁴⁵. Просьба Рейхеля была уважена. В 1834 г., «по примеру, до сего уже бывшему», формовщик Петр Лехов «за отличное его знание, приобретенное в приготовлении форм разных сортов» также был перечислен из нижеслужительского списка в список вольнонаемных мастеровых с жалованьем по 500 руб. в год⁴⁶.

Чаще же всего Экспедиция вознаграждала рабочих за их «усердие, аккуратность и искусство» разного рода денежными выдачами. Так, в 1826 г., с разрешения министра финансов, было ассигновано из остаточных сумм в единовременное награждение чиновникам, мастерам и мастеровым 13.023 руб.⁴⁷ Некоторым мастеровым назначались также постоянные прибавки. Так, в 1834 г. было увеличено содержание, получаемое гравером Рером и плавильщиком букв Иваном Сухих, на 200 руб. каждому, а получаемое тремя наборщиками и двумя литографскими резчиками — на 100 руб.⁴⁸

Повысить свой заработок рабочие могли еще посредством участия в сверхурочных работах, нередко производившихся в Экспедиции, ввиду спешности получаемых ею нарядов и невозможности быстро найти в нужный момент достаточное количество рабочих рук. Так, в 1855 г. было ассигновано на уплату за сверхурочные работы 39.240 руб., а в следующем году — 16.000 руб.⁴⁹ 30 июня 1831 г. было испрашено высочайшее разрешение на то, чтобы желающие могли работать, за особую плату, и в высокотожественные дни⁵⁰.

В 1823 г. в Экспедиции возник вопрос об учреждении пенсионной кассы для рабочих. 7 октября этого года Хованский вошел с соответствующим представлением к министру финансов Канкрину. Указав, что из положенной по штату 10 сентября 1820 г. на содержание 300 нижних

служителей суммы в 75.000 руб. ежегодно бывают остатки, из которых в исходе года раздаются рабочим, соответственно их способностям и труду, прибавки к жалованью, управляющий Экспедицией писал: «хотя помянутые остатки и справедливо обращаются в пользу рабочих людей, но как они и без сего достаточно обеспечены, то и полагаю я дать им совсем другое направление, весьма для них полезное, а именно: определить их на пенсии и содержание малолетних детей, составляя из оных ежегодно сумму под сим названием, таким образом, напр., чтобы остаток от 1823 г. считать ассигнованием для сказанного предмета на 1824 г., а сего года на 1825 г. и т. д.; какие же остатки будут от сих сумм, то уже оные, по прошествии каждого года, отсылать в Заемный банк из приращения процентами для составления капитала в подкрепление означенной пенсионной суммы». Капитал этот, по мнению Хованского, должен расходоваться, прежде всего, на производство пенсий: а) рабочим, прослужившим 40 лет и пожелавшим выйти в отставку, б) не выслужившим сего срока вследствие увечья или болезни, полученных на службе в Экспедиции, и в) женам умерших рабочих Экспедиции. Из этого же капитала должны также производиться выдачи на провиант и одежду тем из детей рабочих, которые лишаются отца и матери, не имея еще от роду 12 лет, или которые поступят для обучения в заведенное при Экспедиции училище. Проект этот не был, однако, одобрен Канкриным, кратко ответившим Хованскому, от 17 апреля 1824 г., что «предположение сие привести в исполнение ныне неудобно»⁵¹.

Тем не менее, и без особой пенсионной кассы рабочие Экспедиции были в известной мере обеспечены на случай неспособности к труду, а их семьи в случае смерти кормильца, особыми денежными выплатами. Для этих выданных первоначально требовалось каждый раз специальное разрешение министра финансов. Так, по предложению его, от 12 марта 1820 г., из остатков от суммы, определенной на содержание рабочей команды Экспедиции, правление Экспедиции уже в первые годы выдавало по 1.124 руб. 40 коп. ежегодно трем черпальщикам, женам их и пяти вдовам служивших на Царскосельской фабрике мастеровых⁵². Когда, в 1824 г., было уволено «за старостью и болезнями» еще 6 человек мастеровых, поступивших в Экспедицию с бывшей Царскосельской фабрики, министр финансов предложил от 13 июня 1824 г. правлению Экспедиции, согласно с мнением управляющего Экспедицией, производить как этим шести рабочим, так и «впредь могущим оказываться из царскосельских мастеровых неспособными по старости лет и болезненному состоянию к работам» положенное содержание, по 200 руб. в год каждому, из остатков суммы, определенной штатом на содержание мастеров

и рабочей команды. На основании этого предложения и стали выдавать в последующее время пенсии этой категории рабочих, а также рабочим, поступившим в ведение Экспедиции вместе с фабрикой Раля⁵³.

Гораздо более значительными пенсиями обеспечивались также вольнонаемные мастера и подмастерья, получавшие их, по особым ходатайствам правления Экспедиции, с высочайшего утверждения. Так, на основании высочайшего указа от 25 декабря 1825 г., получил пенсию в 500 руб. уволенный в отставку старший подмастерье бумажного дела Иван Самохвалов⁵⁴. Такая же пенсия была дана, на основании высочайше утвержденного положения Комитета министров от 27 января и 10 февраля 1842 г., резчику литер Реру и граверу Кирхнеру, продолжавшим служить в Экспедиции на прежнем жаловании. Еще большую пенсию, а именно 857 руб., получил, на основании высочайше утвержденного положения Комитета министров от 27 февраля и 13 марта 1845 г., мастер печатания Миллер, также продолжавший и после этого свою службу⁵⁵. В других случаях вольнонаемные мастера и мастерские получали лишь единовременные пособия. Так, в 1829 г. было выдано токарю Вильту при увольнении 500 руб.; в этом же году ходатайствовал перед правлением Экспедиции управляющий II-м отделением Рейхель о выдаче такой же награды граверу Ивану Славянскому, «который с самого учреждения Экспедиции гравировал пунсоны, украшения, печати и пр. с отличным усердием и аккуратностью»⁵⁶.

Указанным путем, то есть с высочайшего утверждения, назначались пенсии также и вдовам мастеров и рабочих Экспедиции. Так, по высочайше утвержденному 29 июня 1821 г. докладу министра финансов была дана пенсия в 300 руб. вдове бумажного мастера Коллинса⁵⁷, по высочайше утвержденному положению Комитета министров от 19 марта и 2 апреля 1840 г. — пенсия в 100 руб. вдове формовщика Старых⁵⁸ и т. д. В 1849 г. правление Экспедиции решило само «по прежним примерам» назначить вдове мастерского с бывшей фабрики Раля, «слабой здоровьем», 14 руб. 40 коп. сер. пенсии в год и при этом дать ей «вечный паспорт»⁵⁹. Кроме пенсий, вдовам рабочих выдавались иногда единовременные пособия, напр.: в 1826 г. вдова мастера Блохина получила 120 руб., а вдова печатальщика Фенского — 900 руб.

Сравнительно хорошо было поставлено в Экспедиции также дело помощи семейным рабочим. По высочайше утвержденному положению Комитета министров от 17 января и 28 февраля 1820 г. сыновьям нижних служителей Экспедиции до достижения ими 12-летнего возраста, а дочерям до замужества или до смерти назначено было особое «содержание по возрастам» из суммы, определенной на необходимые и неподви-

денные расходы. В силу этого выдавалось: на мальчиков от 1 до 2 лет — по 2 руб. в месяц, от 2 до 4 лет — по 3 руб., от 4 до 8 лет — по 4 руб. и от 8 до 12 лет — по 5 руб., а на девочек — «половина противу сего расчета»⁶⁰. Общая сумма, тратившаяся Экспедицией в первые годы на содержание детей мастеровых бывшей Царскосельской фабрики и прочих нижних служителей, доходила до 2000 руб. с лишним ежегодно⁶¹. Впоследствии по отношению к дочерям мастеровых было сделано довольно существенное ограничение: 22 декабря 1853 г. было высочайше утверждено положение Комитета министров, чтобы выдачи денежного содержания им были ограничены, согласно со ст. 376 Свода законов, Устава о пенсиях и пособиях, 18-летним возрастом или выходом замуж, «если сие последует раньше означенного срока»⁶². Вообще же выдача пособий на содержание детей была распространена, с высочайшего разрешения, последовавшего на доклад министра финансов 17 августа 1834 г., также и на рабочих бывшей фабрики Раля⁶³.

Менее обеспеченными на случай инвалидности были в Экспедиции те рабочие, которые присылались из Военного ведомства. Рабочие эти, на основании высочайшего указа от 22 сентября 1829 г., увольнялись в отставку после 22-летней службы. Обычно правление Экспедиции ходатайствовало перед министром финансов о выдаче таким рабочим единовременного пособия. Так, когда в 1829 г. Инспекторский департамент Главного штаба, поверив списки мастеровых Экспедиции, предложил последней дать отставку 3-м рабочим, Хованский вошел в Министерство финансов с представлением о раздаче им «за беспорочную службу» 2.000 руб. из остатков от суммы, назначенной на содержание рабочей команды⁶⁴.

Кроме выслуги лет, допускалась отставка рабочих и за слабостью здоровья. В этом случае им также обычно выдавались, с разрешения министра финансов, единовременные пособия⁶⁵. Размер их большею частью не превышал 200 руб. Так, напр., в 1830 г. было дано шести рабочим, прослужившим по 13 лет, и одному за 10-летнюю службу по 200 руб., пяти рабочим за 11-летнюю службу — по 150 руб., двум за 13 лет, двум за 5 лет и двум за 4 года службы — по 100 руб., двум за 11-летнюю службу — по 75 руб., одному за 8 лет, другому за 5 лет и трем за 2 года службы — по 50 руб.⁶⁶ Правление Экспедиции выдавало небольшие награды также тем из рабочих, которые отсылались в Военное ведомство вследствие неспособности к возлагавшимся на них работам, если только, конечно, они обнаруживали «усердие и беспорочное поведение». Награды эти были, однако, невелики. Так, в 1840 г. было дано двум таким рабочим по 30 руб. и одному 10 руб.⁶⁷

Отметим еще, что нижние чины, поступавшие, по выходе в отставку из военной службы, на службу в гражданское ведомство, сохраняли, согласно высочайше утвержденному положению комитета министров от 4 и 18 марта 1822 г., назначенные им пенсии из военного ведомства. Правда, таких лиц в Экспедиции было немного: в 1822 г., напр., эту пенсию имел право получать лишь один курьер⁶⁸.

В результате всего вышеизложенного положение рабочей команды Экспедиции в 50-е годы XIX в. можно охарактеризовать следующим образом. С точки зрения сроков службы и прав рабочие распадались на две группы. Первую, наиболее многочисленную, составляли рабочие из военного звания, увольнявшиеся в отставку, вместо установленного для солдат «25-летнего термина», после 22-летней службы. Дети их, состоявшие на правах кантонистов, подлежали тем же правилам. При увольнении в отставку за выслугой лет или же вследствие неспособности, болезни и за дурное поведение такие рабочие, и по смерти их и вдовы их с семьями, никаких пенсий и содержания по закону не получали, хотя фактически им нередко выдавалось единовременное пособие. Ко второй группе можно отнести рабочих, поступивших из крестьян бывшей Царскосельской фабрики и фабрики Раля, а также их детей. Для них не было определено сроков службы, и обычно они увольнялись от работ «за совершенной неспособностью к труду», по старости или болезненному состоянию. Рабочие эти были изъяты от ревизий, платежа податей и несения личных повинностей и при увольнении оставались на попечении Экспедиции, хотя особой суммы на их содержание штатом не было назначено.

Экономическое же положение обеих указанных групп рабочих было в общем одинаково. И те, и другие содержались на штатную сумму, размер которой для каждого человека был определен в 71 руб. 42¾ коп. сер. Из этих денег они получали в виде жалованья от 11 до 15 руб. в год по разрядам, «соразмерно усердию и способностям», и на 36 руб. провианта и амуниции. Из остатков от этой суммы выдавались, сверх того, пособия на детей и пенсии увольняемым от работ, а по их смерти — их вдовам и семьям. Размер пенсий обычно зависел от усмотрения правления Экспедиции, принимавшего в расчет лета службы и состояние здоровья, а сами выдачи производились для казенных мастеров и подмастерьев с высочайшего разрешения, а для простых рабочих — с утверждения министра финансов. На эти пенсии в указанное время расходовалось до 2.000 руб. сер. ежегодно.

Рабочие из военного звания или крестьяне, поступая в мастера или подмастерья, исключались из состава рабочей команды и приобретали

права, присвоенные званию указанных лиц. С этого момента они управляли свои обязанности уже как свободные люди, заключая с Экспедицией большею частью особые контракты⁶⁹.

IV

Для надзора за состоянием здоровья рабочих и вообще для оказания им медицинской помощи при Экспедиции, с самого учреждения ее, состоял особый лекарь⁷⁰, к которому вскоре были присоединены еще два фельдшера⁷¹. Когда в 1827 г. в Экспедиции открылась натуральная оспа, от которой умерло 19 человек детей чиновников и мастеровых, министр финансов в предписании от 24 ноября того же года согласился на ходатайство Хованского устроить при Экспедиции лазарет для 6 больных на случай подания скорой помощи, с особым отделением, где помещались бы одержимые «прилипчивыми болезнями». Экономом была составлена смета переделки комнат под лазарет, а доктором Клейненбергом — реестр потребным вещам. Деньги на устройство этого лазарета были взяты из общих остатков по Экспедиции⁷².

Довольно серьезные меры к предохранению здоровья мастеровых Экспедиции были приняты, однако, лишь в 1852 году. Увидев из отчета по лазарету за 1851 г., что I-е отделение дало вдвое больше больных, чем II-е, и притом, главным образом, простудных, управляющий Экспедицией С. А. Ремезов потребовал объяснений от управляющего бумагоделательным отделением Бухмейера и доктора Экспедиции Лешкевича. Первый донес, что причиной заболеваемости рабочих I-го отделения является, главным образом, разбросанность мастерских: рабочие на Екатерингофской фабрике, по части белильной, и в Экспедиции, по части черпальной, все время проводят в мокром, тяжелом от газа воздухе, причем первые принуждены босыми выносить полуматерию из белильных чанов, а вторые с отсыревшей одеждой выходить из черпальной на холод и ветер для отности листов через двор на сушило в 4-й этаж и, развесив там бумагу при 23° жары, возвращаться вспотевшими тем же путем обратно.

В добавление к этому доктор, со своей стороны, указал, что распространению заболеваемости среди рабочих много способствует: 1) ежедневные осмотры людей при окончании работ, производившиеся против самых выходных дверей, на сквозном ветру; 2) отдаленность от мастерских отхожих мест; 3) плохое питание артельных мастеровых (не всегда мясная пища, часто плохо выпеченный хлеб и всегда дурно приготовленный квас, вызывающие «худосочие»), и 4) скученность рабочих в грязных, лишенных вентиляции казармах.

В целях уменьшения заболеваемости, по мнению доктора, следовало принять следующие меры: 1) для мастеровых Екатеринбургской фабрики, занятых вываркой полуматерии, промывкой, прессовкой и белинием ее посредством хлороводородного газа — сделать накладки или повязки для рта и носа, давать им пить чай из шалфея, а некоторым, по указанию врача, так называемый грудной чай; 2) тем из них, которые выкладывают из ящиков полуматерию, выдать длинные резиновые чулки и на них калоши, а которые находятся в белильной — непромокаемую, на пробках обувь, и вообще всем им, а также рабочим черпальной мастерской при Экспедиции, построить овчинные куртки и рукавицы с теплыми валишками и запретить полуодетыми выходить из мастерских; 3) для переноски бумаги из черпальной в сушило и обратно назначить особых людей; 4) при осмотре рабочих не раздевать их у самого входа; 5) следить за доброкачественностью пищи и уменьшением пьянства; 6) чистить казармы и заставлять рабочих еженедельно мыться в бане; наконец, 7) устроить хороший лазарет для острозаболеваемых.

Ремезов вполне согласился с необходимостью всех этих мер, и некоторые из них были осуществлены в том же 1852 году⁷³. Так, на улучшение пищи каждому из мастеровых первого отделения, по ходатайству Рейхеля, было прибавлено по 3 руб. 40 коп. в год⁷⁴; осмотр рабочих, занятых в кредитной типографии, нумерационной и вообще в секретных мастерских, был организован согласно указаниям врача; наконец, архитектору было предложено произвести необходимые переделки в мастерских и ремонт в казармах; остальные меры, вроде изготовления специальной обуви и одежды, судя по донесению члена правления, заведывавшего хозяйственной и полицейской частью Травинского, решено было привести в исполнение в самом близком времени⁷⁵. Только одно пожелание доктора, а именно устройство хорошего лазарета, оказалось возможным осуществить лишь в 1858 г., когда Экспедиция приобрела, как мы видели, для этого особое двухэтажное здание, занятое до того детским приютом Лейб-гвардии Измайловского полка⁷⁶. До этого же времени служащим Экспедиции приходилось пользоваться очень небольшим и недостаточно оборудованным лазаретом, где было всего 10 кроватей мужских и 5 женских «для пользования легких болезней и первоначальных пособий»; в случае же тяжких заболеваний они обычно отправлялись в 1-й военно-сухопутный госпиталь; «за все то время, сколько они в оном находились», удерживалось с них «половинное жалованье и сумма по расчету за весь провиант, с отсылкой сих денег, по истечении всякой трети, в уездное Казначейство»⁷⁷. Тем не менее, помощь, оказывавшаяся лазаретом Экспедиции, была все же довольно существенной, как это

видно из следующей ведомости о больных, лечившихся в Экспедиции в марте 1854 г.:

	состояло	прибыло	выздоровело	отправлено в госпиталь	умерло	состоит
чиновников	1	1	1	–	1	–
вольных и казенных мастеров:						
из I-го отделения	–	34	18	16	–	–
из II-го отделения	1	14	5	9	1	–
из III-го отделения (собственно, хозяйственно-полицейской части).	–	1	1	–	–	–
с Екатерингофской фабрики	–	6	6	–	–	–
их жен	1	15	15	–	–	1
их детей обоего пола	1	25	19	–	5	2
Итого	4	96	65	25	7	3 ⁷⁸

Из учреждений, предназначенных обслуживать нужды рабочих, помимо лазарета, существовала в Экспедиции еще школа для нижнеслужительских детей. Эти последние, как было отмечено выше, по указу 20 июня 1819 г. были исключены из общего положения о солдатских детях: их разрешено было оставлять при отцах, в ведении Экспедиции, «для успешного приучения к работам»⁷⁹. Вполне правильно полагая, что «приобретение познаний в искусственных работах, при Экспедиции производимых», требует от рабочих предварительно «некоторого образования», Хованский «для достижения сей полезной цели» устроил в 1821 г. особую школу. «По предложению» некоего Напрудского, приглашенного учителем, решено было обучать детей, которых было собрано 13 мальчиков в возрасте от 7 до 12 лет, «чтению русского, немецкого и французского языкам (sic), чистописанию, Св. Писанию, арифметике и рисованию». Учение в школе было направлено к тому, чтобы дети нижних служителей «приготавливались в оной к поступлению в разные мастерства, необходимые для произведения всех тех предметов, кои составляют круг действий Экспедиции», и в будущем могли бы поступать в число мастеровых и даже «в самые мастера». «Чрез таковое приготовление своих мастеров, — писал в своем донесении министру финансов об открытии школы Хованский, — сохранены будут издержки, на наем

вольных употребляемые», а «Экспедиция избегнет чрезвычайных затруднений, с коими сопряжено отыскание необходимо нужных ей художников, которых и за дорогую цену найти весьма трудно»⁸⁰.

Расход на школу был первое время очень невелик. Так, в 1821 г. было истрачено, не считая жалованья Напрудскому, всего лишь 1.191 руб. 42½ коп. Из этой суммы пошло:

за 58½ арш. синего сукна на сюртуки, камзолы, брюки и фуражки для 13 учеников	204 р. 75 к.
за 87¾ арш. «затрапезу» для летних сюртуков.....	96 р. 52½ к.
за 5 арш. черной нанки на галстухи	5 р. 50 к.
за башмаки и чулки	195 р. — к.
за шитье вышеозначенного платья и приклад	149 р. 50 к.
за 10 летних сюртуков из мухояра с фуражками темнозеленого сукна	71 р. 20 к.
за книги, прописи, карты Европы и земного шара, писчую бумагу для эстампов, аспидные доски, грифели, рейсфедеры, карандаши, готовальни, тушь, линейки, перочинные ножи, подсвечники, щипцы, чернильницы, столы, стулья и пр.	468 р. 96 к.

Расход следующего года был несколько больше, а именно 1.548 руб. 35 коп., распределявшихся следующим образом:

учителю Императорской академии художеств Калашникову за обучение французскому и немецкому языкам с 1 июня 1821 г. до 1 января 1823 г.	712 р. 50 к.
за сделанные для 15 человек суконные сюртуки, брюки и фуражки и для 12 человек затрапезные кителя.....	551 р. 55 к.
за 12 пар сапог	42 р. — к.
на покупку оригиналов для рисования, книг, карандашей и пр. учебных пособий.....	242 р. 30 к.

С течением времени школа довольно быстро расширялась. В 1837 г. в ней обучалось уже 72 мальчика, «в том числе казенных мастеровых детей 51 человек»⁸¹. Кроме главного учителя и учителя иностранных языков, в школе появился в скором времени еще священник, с жалованьем в 500 руб. в год⁸². В отношении выбора преподавателей, круга предметов обучения и учебных пособий школа пользовалась полной автономией, находясь всецело в ведении самой Экспедиции. Раз только имел место случай постороннего вмешательства в учебную жизнь: в 1839 г. кредитная канцелярия передала правлению Экспедиции сообщение

синодального обер-прокурора, что напечатанный синодом «Пространный катехизис», по высочайшему повелению, должен быть введен, взамен прежних изданий, во всех учебных заведениях империи⁸³.

Хованский, по-видимому, сам очень интересовался постановкой учебного дела в Экспедиции: в 1833 г. он предложил, напр., управляющему типографским отделением Рейхелю обратить большее внимание на школу, «ибо из обучающихся там детей весьма мало вышло таких, которые в состоянии заменить наемного мастера»⁸⁴. Внушения эти, однако, не оказали должного воздействия, и школа, несмотря на численный рост учащихся, в общем не оправдала возлагавшихся на нее надежд. В этом отношении чрезвычайно характерен следующий факт. Когда в 1851 г. решено было на кредитных билетах нового образца подписи директоров и кассиров заменить грифом, и правление Экспедиции кредитных билетов предложило Министерству финансов «приучать к сему делу в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг до 10 человек молодых, здоровых, расторопных и грамотных из детей мастеровых Экспедиции, так как определение для сего вольнонаемных было бы крайне неудобно», — новый управляющий Экспедиции Л. К. Нарышкин, в ответ на запрос из министерства, принужден был заявить, что «состоящая при Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг школа (доведена) до совершенного расстройства», и что «прежде предполагаемого <...> преобразования ее решительно нельзя приготовить в ней людей к чему-либо полезному»⁸⁵.

Расстроенное положение школы было затем предметом обсуждения в правлении Экспедиции, которое подчинило ее наблюдению члена по письменной части правления и поручило ему сообщить «о том, что представится необходимым произвести для приведения ее в лучшее состояние». На место прежнего преподавателя Васильева был приглашен, с одобрения Л. К. Нарышкина, новый — священник И. Н. Палисадов, окончивший Петербургскую духовную академию. Он заведовал школой до 1855 г., когда был назначен исполняющим должность директора в Дома воспитания бедных детей, вследствие чего, оставив в Экспедиции место преподавателя всех предметов, сохранил за собой лишь обязанности законоучителя. Сверх жалованья в 428 руб. сер. и квартиры, Палисадов получал еще 100 руб. наградных, по личному распоряжению управляющего Экспедицией. Независимо от него, был приглашен еще академик Афанасьев, обязанный ежедневно заниматься «приготовлением в рисовальном искусстве» способных к тому учеников. В том же 1851 г. было заново отремонтировано также самое помещение школы. Инвентарь ее в то время состоял из кафедры, двух больших черных до-

сок, скамеек для учащихся, восьми стенных географических карт, шестнадцати рисунков со стеклом и двух шкафов, в которых хранились разные учебники⁸⁶.

В последние годы изучаемого периода школа находилась в заведывании бывшего ранее учителем 3-й С.-Петербургской гимназии Лебединского, который обучал детей «русскому языку, арифметике, первоначальным знаниям французского и немецкого языков и чистописанию»⁸⁷. При преобразовании Экспедиции школа эта, на основании высочайше утвержденного 7 февраля 1861 г. «положения», была упразднена⁸⁸.

V

Описанное выше состояние рабочих Экспедиции в 50-х годах XIX ст. решено было подвергнуть коренному изменению вследствие личного желания Николая I. Одобрив доклад министра финансов об определении на будущее время для надзора за мастеровыми Экспедиции, комплектуемым из нижних воинских чинов, на место экзекутора полицмейстера из офицеров, государь повелел 26 января 1851 г. сообразить: «нельзя ли из означенных мастеровых сформировать рабочие роты?». Из наведенных министром справок оказалось, что в С.-Петербурге, в ведении Департамента военных поселений, состояло четыре рабочие роты, занимавшиеся разными ремонтными исправлениями по гвардейским казармам, и одна рабочая команда при типографии департамента, разделявшаяся на три разряда, сообразно размерам получаемого входившими в ее состав рабочими жалованья, которое колебалось от 1 руб. 78 коп. до 3 руб. 57 коп. в месяц, кроме провианта и амуниции, отпускаемых натурой.

Эта последняя команда была, по-видимому, принята за образец, и министр финансов Ф. П. Вронченко нашел возможным образовать из состоявших при Экспедиции казенных мастеровых три роты: две рабочие по бумагоделательному и типографскому отделениям и одну резервную для пополнения первых двух рот и для работ по хозяйственной и полицейской части, с разделением мастеровых на несколько разрядов в отношении жалованья, смотря по их занятиям и способностям⁸⁹. Соответствующее высочайшее повеление было дано 9 февраля того же 1851 г.⁹⁰, но привести его в исполнение незадолго перед тем назначенному управляющему Экспедицией Л. К. Нарышкину казалось возможным лишь после того, как он мог бы «поближе ознакомиться со всеми подробностями Экспедиции и с действительной надобностью мастерских и производящегося в них дела». Ознакомление это привело Л. К. На-

рышкина к мысли о необходимости полного пересмотра действующих инструкций Экспедиции, а также перестройки занимаемых ею зданий и расширения мастерских, вследствие постоянно увеличивающихся работ. Новый министр финансов П. Ф. Брок вполне согласился с этим, и 27 марта 1852 г. был образован, под председательством управляющего Экспедицией, особый комитет⁹¹.

Вскоре после этого, в том же году, состоялось назначение управляющим Экспедицией С. А. Ремезова, который исходатайствовал у министра финансов разрешение от 17 апреля 1852 г.: «комитету, составленному для рассмотрения инструкций, войти в обширнейшее и подробное рассмотрение штатов и всех положений Экспедиции с тем, чтобы по тесной связи с сим предметом сообразить и сформирование военно-рабочих рот». Между тем государь очень интересовался этим делом, и 28 апреля 1853 г. управляющий собственной его величества канцелярией Танеев сообщил министру финансов высочайшее желание, чтобы соображения по вопросу об учреждении военно-рабочих рот были закончены не позже 15 мая. К этому сроку как раз комитет и закончил свои работы, представив в министерство проекты нового штата и устава Экспедиции, а также положения о рабочей команде⁹².

Согласно этому «положению», из находившихся в Экспедиции нижних воинских чинов и крестьян бывшей Царскосельской и Екатерингофской бумажных фабрик образуется особая военно-рабочая команда. Ее составляют мастера, подмастерья и рабочие, разделенные по трем ротам, подчиненным полицмейстеру из штаб-офицеров и двум его помощникам — обер-офицерам. В звание мастеров и подмастерьев повышаются простые рабочие, оказавшие успехи в ремеслах. Впредь рабочая команда должна комплектоваться из нижних чинов Военного ведомства, здоровых, молодых и способных к работам, и из детей лиц, уже вошедших в рабочую команду Экспедиции. В случае, если бы не оказалось годных людей из рабочих, в звание мастеров и подмастерьев разрешалось принимать на особых условиях, утверждаемых всякий раз министром финансов, вольнонаемных, которые, не входя в состав военно-рабочей команды, не пользовались и правами, этой команде предоставленными.

Перевод простых рабочих в звание мастеров и подмастерьев допускался, по представлению управляющего Экспедицией, «с особой осмотрительностью, за отличное поведение, усердие и искусство, в коем должны быть представлены образцы», причем представляемые рабочие, если они были из рекрутов, обязаны были предварительно прослужить простыми рабочими не менее 12 лет; если же они были из детей рабочей команды Экспедиции, то срок для перехода их в звание мастеров и под-

мастерьев мог быть сокращен. Утвержденные в этом звании министром финансов, они вместе с тем производились в унтер-офицеры. Срок службы мастеров и подмастерьев был определен, согласно с военными постановлениями, относящимися до унтер-офицеров, вышедших из Военного ведомства, в 12 лет, и в 22 года для детей рабочей команды. Такое удлинение по отношению к последним было сделано в уважение к тому, что они со дня своего рождения пользовались казенным содержанием и получали образование на казенный счет. Мастера из рабочих, прослужившее в этом звании 12 лет, могли быть представляемы «за усердие и труды» к чину 14 кл., по получении которого им разрешалось оставаться в Экспедиции в качестве вольнонаемных на особых условиях. Для простых рабочих срок службы был определен в 25 лет, причем для рабочих из Военного ведомства служба исчислялась со дня поступления в рекруты, а для прочих — со дня зачисления в рабочую команду Экспедиции. Дети мужеского пола всей рабочей команды принадлежали Экспедиции. До 8 лет они находились при своих родителях, от 8 до 14 обучались в школе Экспедиции, от 14 до 18 лет поступали в мастерские для приучения к работам «по способностям каждого», а с 18 лет зачислялись в рабочую команду. Казенные мастера, подмастерья и рабочие за беспорочную службу награждались положенными для Военного ведомства нашивками на рукаве из желтой тесьмы, с утверждения министра финансов.

На содержание рабочей команды Экспедиции штатом определялась особая сумма. Ежегодный расход на простого рабочего исчислялся в 71 рубль 42³/₄, коп. сер. из этих денег выдавалось: а) жалованье в размере от 12 до 30 руб. в год, по назначениям управляющих отделениями и с утверждения правления Экспедиции; б) паек натурой, по военному положению; в) амуниция по высочайше утвержденному образцу и на особо определенные сроки; г) пособия родителям на содержание детей мужеского пола⁹³, и д) деньги на школу. Простым рабочим унтер-офицерского звания жалованье выдавалось по высшему окладу. Казенные мастера и подмастерья, получавшие жалованье из особой штатной суммы, также получали амуницию⁹⁴ из остатков от суммы, ассигнованной на рабочую команду, а работавшие в типографии по частным заказам — из прибыльной суммы этой типографии.

Заболевшие казенные мастера, подмастерья и рабочие содержались в лазарете Экспедиции на особо определенную для этого штатом сумму, а в случае тяжких или эпидемических болезней помещались в военные госпитали, причем расходы в этом случае, по примеру Военного ведомства, относились на счет комиссариатской суммы. При утрате трудо-

способности они увольнялись в продолжительные отпуска или вовсе от службы на основании установленных для Военного ведомства правил. В этом случае, как и при увольнении за выслугу лет, им выдавались пенсии по особым представлениям Экспедиции. Мастера, прослужившие в этом звании более 5 лет, получали по 110 руб. сер. в год, а прослужившее менее 5 лет — по 75 руб.; для подмастерьев соответствующие цифры понижались до 75 и 50 руб.; простым рабочим за службу от 10 до 20 лет выдавалось по 15 руб. и за службу от 20 до 25 лет — по 25 руб.; при увольнении «за болезнью» ранее 10-летнего срока службы выдавалось лишь единовременное пособие в размере 15 руб. Что касается жен и дочерей всей вообще рабочей команды, то они, во время состояния на службе мужей и отцов их, а равно и по увольнении их в отставку или по смерти их, пользовались правами, присвоенными лицам Военно-сухопутного ведомства, но никакого содержания или пенсий не получали. Вышедшие в отставку за выслугой лет и способные еще к труду казенные мастера, подмастерья и рабочие пользовались преимуществом при определении в сторожа, счетчики, присяжные и курьеры Экспедиции. Относительно взысканий за преступления, пороки и вообще дурное поведение кого-либо из рабочей команды Экспедиция руководствовалась военными постановлениями⁹⁵.

Военно-рабочая команда Экспедиции разделялась на три роты, из которых одной командовал полицмейстер, а двумя — его помощники, и при которых находилось по одному фельдфебелю и по одному каптенармусу. Первая рота обслуживала бумагоделательное отделение; в ней было 18 мастеров, подмастерьев и унтер-офицеров и 260 рабочих. Вторая рота состояла при типографическом отделении и заключала в себе 59 мастеров, подмастерьев и унтер-офицеров и 210 рабочих. В состав третьей роты, резервной, входило 4 унтер-офицера и 60 рабочих; эта рота употреблялась для варки пищи и хлеба, для несения внутренних дежурств и караулов при зданиях Экспедиции и вообще для всяких хозяйственных работ. Кроме того, при военно-рабочей команде состояли трое писарей и трое фельдшеро⁹⁶.

Рассмотренное нами «Положение» о рабочей команде Экспедиции, разбиравшее ее по ротам, министр финансов, несмотря на желание государя, не считал возможным ввести отдельно без предварительного утверждения выработанных комитетом проектов устава и штата Экспедиции. Новый же устав и штат, в свою очередь, мог быть проведен в жизнь лишь после полной перестройки Экспедиции, вызывавшейся значительным увеличением размеров ее производства, для чего, конечно, требовалось более или менее продолжительное время и очень солидные

средства. Эти соображения, высказанные во всеподданнейшем докладе министра финансов, были одобрены⁹⁷. Начатая вскоре после этого перестройка Экспедиции, действительно, привела к необходимости ввести новое положение и штат, что и было сделано в 1861 г., но уже на совершенно иных основаниях: рабочие, вместо милитаризации, которая, без сомнения, привела бы их к еще большему закреплению и едва ли была бы для них выгодной в экономическом отношении, получили, наряду с крепостными крестьянами, полную свободу.

Примечания

- 1 Таблица эта составлена на основании данных, заключающихся в «штате» 21 августа 1818 г. (Арх. Кред. Канц. Д. 135. Отд. 3. 1818–1819 г. Л. 132–135) (РГИА, Ф. 583. Оп. 4. Д. 219. Лл. 171–179) и в проекте штата, выработанном Хованским и утвержденным 10 сентября 1820 г. (Арх. Кред. Канц. Д. 55. 1820 г. Л. 14–15). (РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 222, Лл. 15–18).
- 2 Арх. Кред. Канц. Д. 55. 1820 г. Л. 4–15.
- 3 Там же. Д. 46. I разр. 1823 г. Л. 56–57.
- 4 Рабочие эти разделялись на две смены: первая производила работы в черпальной, а вторая развешивала, снимала, чистила, сортировала и считала высохшую бумагу.
- 5 Из них 18 человек употреблялись при печатании и нумеровании ассигнационных листов.
- 6 См. С. 91. и Арх. Э. Д. 24/16. I разр. 1823 г. Лл. нумерованные с 23 и далее. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 113).
- 7 См. выше. С. 89.
- 8 Арх. Кред. Канц. Д. 11. Отд. 1. Ст. 3. 1860–1876 гг. Проект штата.
- 9 Арх. Э. Д. 564/80. I разр. 1858 г. Л. 4. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 413).
- 10 Там же. Д. 564/80. I разр. 1858 г. Л. 4 и след. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 413).
- 11 П.С.З. Т. VII². № 5844.
- 12 *Туган-Барановский М. Н.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I. Изд. 2. СПб., 1900. С. 89.
- 13 Там же.
- 14 *Адарюков В. Я.* Очерк по истории литографии в России. СПб., 1910. С. 57, прим. 78.
- 15 П.С.З. Т. XXXVI. № 27851; Арх. Э. Д. 84/7. I разр. 1819 г.; Арх. Кред. Канц. Д. 8. I разр. 1821 г.
- 16 Арх. Э. Журналы и постановления. Кн. XI. Протокол от 19 янв. 1821 г.
- 17 П.С.З. Т. XI².
- 18 Арх. Э. Журналы и постановления. Кн. XXXI. Журнал от 3 марта 1834 г.;
- 19 Арх. Кред. Канц. Д. 55. 1820 г. См проект штата, представленный в 1820 г. кн. Хованским. Л. 4–15.

- 20 Арх. Э. Д. 200/1. I разр. 1834 г. Л. 16, 42, 46, 58 и др. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 200).
- 21 Там же. Л. 67–68. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 200).
- 22 Там же. Л. 47–48; Д. 400/147. I разр. 1852 г. Л. 5–6. Один из таких контрактов см. в «Приложениях». (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 200).
- 23 Там же. Л. 35 и др. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 200).
- 24 Там же. Д. 80/37. I разр. 1818 г. Л. 4. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 67).
- 25 См. выше, с. 86 и 132. Из разбитых здесь по разным рубрикам сумм можно составить сумму в 34.000 руб., в которую вошли и канцелярские расходы. Из упомянутого проекта штата, составленного Хованским (Арх. Кред. Канц. Д. 55. 1820 г. Л. 4–15), видно, что на канцелярские расходы тратилось по правлению 3.450 руб. и по каждому из обоих отделений по 400 руб., т. е. 4.250 рублей. Вычтя эти 4.250 руб. из вышеуказанных 34.000 руб., получим 29.750 руб.
- 26 Арх. Кред. Канц. Д. 55. 1820 г. См. проект штата, составленный Хованским. Л. 4–15.
- 27 Арх. Э. Д. 157/48. I разр. 1827 г.; Журналы и постановления. 1829 г. Кн. XXVII. № 10.
- 28 Там же. Журналы Правления Экспедиции. Кн. XLIX. Протокол от 26 февраля 1840 г.
- 29 Там же. Д. 221/7. I разр. 1837 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 221).
- 30 П.С.З. Т. VII. № 5844.
- 31 Арх. Э. Д. 403/19. I разр. 1853 г. Л. 1–2. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 335).
- 32 *Резцов Н. А.* Бумага в России сто лет назад. СПб., 1912. С. 49.
- 33 См. выше. С. 44.
- 34 *Туган-Барановский М. Н.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I. Изд. 2-е. С. 188, 189.
- 35 Там же. С. 188.
- 36 Арх. Э. Секретные предложения. Д. 32. Л. 57.
- 37 Там же. Д. 165/3. I разр. 1829 г. Л. 38; Д. 243/10. I разр. 1843 г.; Д. 275/14. I разр. 1847 г.; Д. 427/16. I разр. 1853 г.; Д. 649/196. I разр. 1860 г.
- 38 Арх. Кред. Канц. Д. 1, секретное. Отд. I. Ст. 3. 1841 г.
- 39 Арх. Э. Секретные дела 1827–1855 гг. Тетр. 92.
- 40 Там же. Д. 392/181. I разр. 1851 г.
- 41 Там же. Тетр. 32. Л. 25–26; Связка 1851 г. Д. 5/327–185/739.
- 42 Там же. Журналы и постановления. 1818 г. Кн. I. № 106.
- 43 Там же. Журналы правления Экспедиции. Кн. XXI. Журнал от 22 января 1836 г.
- 44 Там же.
- 45 Арх. Э. Д. 165/3. I разр. 1829 г. Л. 28. Отметим, кстати, годовой бюджет этого рабочего, являющийся довольно типичным для значительного числа мастеровых Экспедиции; он получал: 300 руб. жалованья, 200 руб. прибавочных, на 46 руб. 50 коп. провианта и на 37 руб. 46 коп. амуниции.
- 46 Там же. Д. 200/1. I разр. 1834 г. Л. 1.

- 47 См. в «Приложениях» к этому тому № 22.
- 48 Арх. Э. Д. 200/1. I разр. 1834 г. Л. 7.
- 49 Там же. Д. 486/268. I разр. 1855 г. Л. 18; Д. 477/245. I разр. 1855 г. Л. 60–61.
- 50 Там же. Связка 1831 г. 4/178 и 17/184. № 12.
- 51 Арх. Кред. Канц. Д. 60. I разр. 1823 г. Л. 1–5.
- 52 Арх. Э. Д. 24/16. I разр. 1823 г. Л. 13 и след.
- 53 Там же. Д. 165/3. I разр. 1829 г. Л. 120; Д. 302/13. I разр. 1849 г. Л. 15–16; Журналы Правления. Кн. XXIII. Журнал от 3 февраля 1827 г.; Кн. XXX. Журнал от 12 октября 1830 г.
- 54 Протоколы правления. Кн. XXX. Протокол от 3 сентября 1830 г.
- 55 Арх. Э. Д. 315/11. I разр. 1850 г. Л. 89.
- 56 Там же. Д. 165/3. I разр. 1829 г. Л. 78, 105.
- 57 Там же. Д. 24/16. I разр. 1823 г. Л. 18.
- 58 Там же. Д. 302/13. I разр. 1849 г. Л. 123.
- 59 Там же. Д. 302/13. I разр. 1849 г. Л. 98.
- 60 Арх. Кред. Канц. Д. 60. I разр. 1823 г.; Арх. Э. Д. 241/25. I разр. 1842 г.
- 61 Арх. Э. Д. 24/16. I разр. 1823 г. Л. 18.
- 62 П.С.З. Т. XXVIII². № 27792.
- 63 Арх. Э. Д. 241/25. 1842 г.
- 64 Там же. Д. 172/25. I разр. 1829 г. Л. 9–10.
- 65 Там же. Д. 165/3. I разр. 1829 г.
- 66 Там же. Д. 171/21. I разр. 1829 г. См. также: Журналы Правления. Кн. XLIX. Журнал от 16 января 1840 г.
- 67 Там же. Журналы правления. Кн. XLIX. Журнал от 16 января 1840 г.
- 68 Там же. Д. 111/8. I разр. 1822 г.
- 69 Арх. Кред. Канц. Д. 12. I отд. 3 ст. 1851 г. Л. 72 и след.
- 70 См. выше. С. 65.
- 71 Арх. Э. Д. 196/12. I разр. 1833 г. Л. 65, 66.
- 72 Там же. Журналы правления. Кн. XXIV. Протоколы от 10 октября и 14 декабря 1827 г.
- 73 Там же. Д. 390/60. I разр. 1852 г. Л. 1, 2–8, 60.
- 74 Необходимо иметь в виду, что мясо тогда стоило по 2 руб. 20 коп. за пуд, это видно из рапорта полицмейстера Экспедиции, от 13 марта 1852 г. (Там же. Л. 23).
- 75 Арх. Э. Д. 390/60. I разр. 1860 г. Л. 24, 32–34.
- 76 См. выше. С. 111.
- 77 Арх. Кред. Канц. Д. 12. I отд. 3 ст. 1851 г. Л. 74 и след.
- 78 Арх. Э. Д. 432/29. I разр. 1854 г. Л. 44.
- 79 См. выше. С. 136.
- 80 Арх. Э. Журналы и постановления. Кн. XI. Протокол от 19 января 1821 г.; Арх. Кред. Канц. Д. 8. I разр. 1821 г.
- 81 Арх. Э. Связка 1837 г. 6/220 и 13/223. Д. 12.
- 82 Там же. Журналы правления. Кн. XXX. Протокол от 9 декабря 1826 г.
- 83 Там же. Д. 227/15. I разр. 1839 г. Л. 33.

Часть первая. Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг в 1818–1861 гг.

- 84 Там же. Связка 1831 г. № 4/138, 17/184. Д. 12. Л. 15 и след.
- 85 Там же. Д. 325/74. I разр. 1850 г. Л. 34–36.
- 86 Там же. Д. 362/83. I разр. 1851 г. Л. 14–15, 26–29, 42 об. и 24–25. См. Рес-
е́стр книгам и др. классным принадлежностям школы при Экспедиции.
- 87 Там же. Д. 622/349. I разр. 1859 г.
- 88 Там же. Д. 712/65. I разр. 1863 г.
- 89 Арх. Кред. Канц. Д. 12. I отд. 3 ст. 1851 г. Л. 1–4; Арх. Э. Д. 346/44. I разр.
1851 г. Л. 17–18.
- 90 П.С.З. Т. XXIII². № 24907.
- 91 Арх. Кред. Канц. Д. 12. I отд. 3 ст. 1851 г. Л. 7 и след. О проектах нового
штата и устава Экспедиции см. выше. С. 98.
- 92 Там же. Л. 28–30.
- 93 На детей от 1 года до 4 лет предполагалось выдавать 5 руб., от 4 до
8–10 руб., от 8 до 18–12 руб. сер. в год; сверх того, детям от 8 до 12 лет
должна отпускаться амуниция, а от 14 до 18 лет — пайки натурой.
- 94 Отметим, кстати, что военной формы, предполагавшейся обязательной
для казенных мастеров и подмастерьев, не полагалось вольнонаемным ма-
стерам как поступившим на эти места преимущественно из иностранцев и
служившим вообще на особых условиях.
- 95 Арх. Кред. Канц. Д. 12. I отд. 3 ст. 1851 г. Л. 45–51. Проект положе-
ния военно-рабочей команды Э.З.Г.Б. Предварительный проект см.:
Арх. Э. Д. 346/44. I разр. 1851 г. Л. 45–50. Здесь же находятся и «Положе-
ния» о военно-рабочих ротах в других учреждениях.
- 96 Арх. Кред. Канц. Д. 12. I отд. 3 ст. 1851 г. Л. 94–95. См. Проект расписания
военно-рабочей команды.
- 97 Там же. Л. 30–33.